

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Ли Сяоюй на тему: «Проблема "высших личностей" в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии

Диссертационное исследование Ли Сяоюй было предпринято с целью продемонстрировать, что «центральным элементом этой философии [философии Ф. М. Достоевского] является концепция «высших личностей», согласно которой целью каждого человека является полная реализация в себе божественного начала и обретения способности радикального, мистического по своей сущности, влияния на окружающих людей и на весь мир» (с. 6).

Кроме представленного определения «высшей личности», в диссертации мы находим ряд следующих уточнений. Высшие личности «максимально воплощают в себе всю глубину человеческого существа, а потому наделены правом господствовать над обычными людьми» (с. 44). «Наиболее наглядно бесконечность и загадочность человека проявляется в том, что некоторые люди, которые особенно полно раскрыли свою человеческую сущность, становятся «высшими личностями», обладающими особыми способностями влияния на людей вокруг и даже на окружающий мир... именно «высшие личности» для писателя имеют особое значение, именно они определяют историю человечества» (с. 3 — 4). «Значимость человека, его способность быть «высшей личностью» определяется не чинами и богатством, а способностью сопереживать другим и жертвовать собой ради них» (с. 53). «По Достоевскому, только достойно пройдя через нравственное испытание добром или злом, сохранив свой моральный облик и рассудок, «высшая личность» сможет стать подлинно «высшей», достичь наивысшего нравственного уровня и морального совершенства» (с. 101). «Чтобы стать «высшей личностью», герой должен пройти несколько этапов: отвергнуть традиционную ортодоксальную веру, и в частности ее идею о бессмертии души; преодолеть острейший жизненный и мировоззренческий кризис, вызванный утратой моральной опоры в виде ортодоксальной веры и ставящий человека на грань самоубийства; «взбунтоваться» против Бога и созданного им неидеального мира, законы которого не позволяют личности осознать смысл своей жизни в полной мере; и, наконец, обрести новую, собственную веру в бессмертие души, причем в такой ее форме, о которой говорил Свидригайлов, — в форме, позволяющей душе продолжать жить именно на земле, а не в Царстве Божием» (с. 114). ««Высшая

личность» — это человек, который стал богочеловеком и в пределе богом, а для бога законов нет. Он может создать и разрушить абсолютно все, в том числе и целый мир» (с. 135). «Достоевский показывает, что для человека, который выбрал путь становления «высшей личностью», путь Христа, очень необходима помощь от других, и если эта помощь не придёт, он не сможет дойти до конца на этом пути» (с. 140). «В конце концов Раскольников понял, что «высшие личности» должны побеждать людей любовью и самопожертвованием, а не силой — как это делал Христос, а не так, как это делал Наполеон» (с. 147).

Исходя из приведённых цитат, можно сформировать обобщённое представление о «высшей личности» как о личности, достигшей на пути нравственных испытаний некоего нравственного совершенства, позволяющего ей господствовать над другими людьми, но господствовать не через насилие, а любовью и самопожертвованием. Такое понимание «центрального элемента» философии Ф. М. Достоевского не лишено внутренних противоречий, однако вполне может быть предметом научного анализа, который и был осуществлён автором диссертации.

Актуальность представленного исследования имеет, по мнению автора, общекультурный смысл: «Философское мировоззрение Достоевского о человеке насущно в современном обществе, в связи с тенденциями дегуманизации, прагматизма, утилитаризма и утраты идеи Бога» (с. 3). Однако, диссертация актуальна и для истории философии, поскольку в ней анализируется базовая, по мнению диссертанта, концепция философии Ф. М. Достоевского («высшая личность»). Кроме того, в рамках исследования автор проводит апробацию оригинальной гипотезы о сходстве Раскольникова и Иисуса Христа. Эта апробация также обладает актуальностью для истории философии.

Основная часть диссертации состоит из трёх глав, каждая из которых имеет от двух до шести параграфов. Структура работы вполне гармонична и способствует достижению цели исследования и решению поставленных задач. Список литературы состоит из 152 пунктов.

В первой главе диссертации — Достоевский как философ — анализируется русская философская библиография, посвящённая Ф. М. Достоевскому.

Вторая глава — Истоки проблемы «высших личностей» в творчестве Достоевского — рассматриваются романтические тенденции в творчестве писателя, здесь же подробно рассматривается генезис типов «мечтателя» и «высшей личности» на материале, главным образом, ранних произведений Ф. М. Достоевского.

В третьей главе — Роман «Преступление и наказание» и окончательная форма проблемы «высшей личности» — делаются выводы относительно концепции «высшей личности». Особенный интерес, на наш взгляд, в третьей главе представляет параграф 3.2. Образ Раскольникова как нового Христа, в котором диссертант пытается продемонстрировать символическое и метафорическое тождество образов Раскольникова и Иисуса Христа.

Работа в целом написана хорошим русским языком, автора характеризует большая исследовательская смелость в постановке вопросов и решении научных задач. Среди множества достоинств работы следует выделить ещё несколько. В частности, в диссертации описана динамика идеи «высшей личности» на протяжении трёх этапов творчества писателя (с. 9-10); в первой главе есть достаточно интересный библиографический обзор философской литературы, посвящённой Ф. М. Достоевскому; на с. 57 содержится интересное и полезное сопоставление мечтателей с маленькими и лишними людьми; в Заключение диссертации есть интересное сравнение понимания личности в России и на Западе Европы.

Разумеется, есть в работе и недостатки.

Во-первых, в работе есть интересное сопоставление антропологических представлений Достоевского с романтическими, но нет сопоставления этих представлений с христианской антропологией. Например, во втором пункте новизны автор пишет: «показано, что влияние немецкой философии (особенно учения И. Г. Фихте) привело к тому, что Достоевский понимает христианство как принцип тождества Бога и человека, что ведет к представлению о возможности явления в отдельном человеке божественного совершенства (это и есть «высшая личность»)» (с. 8). Однако, дело в том, что учение об ипостасном соединении Бога и человека существовало задолго до Фихте и немецкого романтизма в целом. Это христианское учение о теозисе (обожении) было сформулировано ещё Отцами Церкви, в частности, Иринеем Лионским (II век) и Афанасием Великим (IV век). Нетрудно предположить, что основные положения христианской антропологии могли быть известны Достоевскому, благодаря, например, традиции перевода Добротолубия на старославянский язык Паисием Величковским (1793 год). Кроме того, традиция старчества была хорошо известна писателю, хорошо была ему известна и идея святости, а значит не могла ни быть известна и вся христианско-антропологическая проблематика. Понятно, что идея «высших личностей» понимается диссертантом в особом свете, в котором идея теозиса, возможно, оказывается неактуальной. Однако, упомянуть эту и сопутствующие идеи в контексте рассуждений о концепции

соединения человеческого и Божественного в контексте творчества Достоевского, безусловно, было необходимо для более всестороннего раскрытия концепции «высших личностей».

Во-вторых, дискуссионным является положение диссертации связанное с апробацией идеи о сходстве Раскольникова с Иисусом Христом. На наш взгляд, Положение 6 диссертации («Достоевский изображает Раскольникова как повторение Иисуса Христа. Хотя он совершает убийство, но его целью являются не корыстные интересы, а желание стать «высшей личностью», чтобы помочь всем людям, спасти их от страданий...» с. 10) является либо недоказанным в ходе исследования, либо неверно сформулированным. Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что диссертант на страницах работы не эксплицирует своего понимания природы Христа: кто Он — Богочеловек или человек? Если Иисус Христос — это не воплотившийся Бог, а исключительно хороший человек, «литературный персонаж» Евангелий, то сравнение Раскольникова с Христом вполне возможно. Правда, для проведения такого сравнения необходимо было, во-первых, эксплицировать собственное исследовательское понимание образа Христа, а, во-вторых, показать, что и Ф. М. Достоевский разделял такое же понимание Христа. Этого, к сожалению, на страницах диссертации сделано не было, во всяком случае, явным образом. Если же диссертант сравнивает Раскольникова с Иисусом Христом, понимаемым традиционным образом, то есть таким образом, каким Он определяется в Никео-Цареградском Символе веры, то уподобление Раскольникова Христу не является, на наш взгляд, доказанным в диссертации. Приведём наши соображения на сей счёт путём рассмотрения аргументов, которые автор диссертации приводит в обоснование тождества Раскольникова с Иисусом Христом.

1. Раскольников хотел пожертвовать собой («Раскольников неоднократно выражал готовность принести себя в жертву ради искупления страданий человечества, фактически повторив судьбу Иисуса» с. 114). Но тогда Соня больше похожа на Христа, потому что она не хотела, а жертвовала собой.

2. Раскольников возомнил себя Христом («Возомнив себя новым Христом, Раскольников не только преступил закон и попрали верховенство Бога (только Бог имеет право даровать и отнять жизнь), являющееся краеугольным камнем традиционного церковного христианства, но также, если принимать его позицию, восстановил «первоначальную» религию, основанную на любви. В контексте преодоления традиционного христианства как древнего закона Раскольников принял на себя роль, сравнимую с ролью Наполеона, но как

создатель новой религии он принял роль, подобную роли Иисуса» с. 119). Но тогда, Раскольников похож всё-таки не на Христа, а на Наполеона, потому что Христос не мнил себя Богом, а был им, а Наполеон был богом на земле очень короткое время, он именно что мнил себя богом.

3. Поступки Раскольникова ещё раз интерпретируются через понятие жертвы. Раскольников, совершая убийство, приносит в жертву отживший социальный строй: «Раскольников убил старуху, чтобы убить принцип. Раскольников вообще не считал свой поступок злодеянием. Он совершил убийство старухи-процентщицы, как мы уже отметили, не ради денег, а ради доведения до логической точки своего внутреннего принципа, и этот принцип — стремление уничтожить традиционное церковное христианство (Бог не позволил бы совершиться злодейскому убийству, а раз он это позволил, то он уже как бы и не совсем Бог). Он стремился разрушить устоявшуюся этику, согласно которой убийство — это зло, и ради этого ему пришлось восстать против заповеди «Не убий». Он решил объявить войну этому миру и отжившему социальному строю, его моральным законам и заповедям» (с. 117). Но, во-первых, в первом акте жертвоприношений Раскольникова значатся не «традиционное христианство», «отживший социальный строй» или сам Радион Романович, а убитые им самим люди! Во-вторых, если подлинная жертва Раскольникова состояла в предательстве собственного человеческого достоинства, ради обретения истинной свободы и исполнения предначертанного плана бытия, то Раскольников опять-таки — не Христос, а Иуда, как образ последнего понимали авторы гностического Евангелия от Иуды.

4. Раскольников — не фарисей, он был добрым мальчиком (пожалел лошадь, убитую кучером): «Искренний поцелуй ребенка искупил преступные, аморальные действия взрослых. Подобные проявления любви, абсолютно, кристально чистой, Достоевскому представляются намного более высокими и ценными, чем пустая, бессмысленная религиозная обрядность, которой придерживались религиозные родители Раскольникова» (с. 120-121). Немного странно, что именно в этом эпизоде с лошадью диссертант находит повод покритиковать «бессмысленную религиозную обрядность». Пусть так. Бессмысленная религиозная обрядность называется фарисейством. Этот эпизод демонстрирует то, что Раскольников не был фарисеем, но не быть фарисеем — ещё не значит быть Иисусом Христом.

5. Раскольников совершил много добрых дел. Диссертант приводит множество поступков, доказывающих доброту Раскольникова: спас детей из пожара (из черновика романа — с. 121), помог девушке (с. 122), любил больную девушку

(с. 122-123), сочувствовал семье Мармеладовых (с. 123-126) и пр. Автор диссертации делает вывод: «Итак, Раскольников изображается Достоевским как новый Христос, как воплощение Христа¹, которого Достоевский считал личностью, достигшей наивысшей ступени личностного развития» (с. 126). Однако, реестр милосердных дел Раскольникова, каким бы огромным он ни был, не доказывает того, что Раскольников был Богом. Раскольников, безусловно, не был чудовищем, даже совершив чудовищное убийство. Более того, он искренне и глубоко раскаялся в своём преступлении. Можем ли мы на этом основании говорить, что Раскольников — это Христос?

Приведя эти рассуждения, доказывающие, на взгляд диссертанта, сходство Раскольникова и Иисуса Христа, Ли Сяюй, тем не менее, признаёт, что прямых доказательств этой её идее в тексте романа нет: «Вернёмся к христианским мотивам в творчестве Достоевского и поищем первооснову образа Раскольникова как нового Христа в тексте романа. Достоевский был вынужден считаться с цензурой своего времени и поэтому не имел возможности выразить свои представления о новом Христе и о том, каким он должен быть, прямо. В этой связи в тексте романа не так много признаков того, что Раскольников отождествляется с Христом» (с. 127). Однако, автор диссертации находит в «Преступлении и наказании» многочисленные намёки на то, что «Раскольников отождествляется с Христом». Разберём и эти намёки, приведённые в диссертации:

1. Порфирий Петрович призывает Раскольникова стать солнцем, а «солнце в святоотеческой литературе, а вслед за ней и в русской культуре часто является символом Христа» (с. 127). Но символом Христа является и рыба, и агнец, и многое что ещё, а солнце, в свою очередь, может быть символом Митры. Не можем же мы советскую детскую песню «Пусть всегда будет солнце» всерьёз считать гимном советского криптохристианства.

2. Следующий «признак»: «Его [Раскольникова] трагическая судьба весьма схожа с судьбой Христа именно в гностических представлениях о ней. Отношения Раскольникова и Сони напоминают отношения Христа и Софии» (с. 128). Вывод диссертанта основывается здесь на омонимии: Соня Мармеладова — София. Непонятно, почему мы должны за именем Сони искать гностическую Софию, а не Софию — Премудрость Божью, то есть Иисуса Христа? И тогда «повторением Христа» в романе оказывается не Раскольников, а как раз-таки Соня Мармеладова. Почему автору диссертации легче допустить

1 Обратим внимание, насколько это неудачная фраза — быть воплощением Христа! Как можно быть воплощением воплотившегося Бога? Если речь идёт о втором пришествии, то Раскольников — это второе пришествие Христа? А если он только выдаёт себя за Христа, им не являясь, то Раскольников — это антихрист?

гностицизм Достоевского, чем его ортодоксальность? Во всяком случае никаких убедительных доказательств того, что Достоевский был гностиком мы в диссертации не обнаружили.

3. Раскольников совершил преступление в состоянии аффекта: «Еще одним доводом в пользу тезиса о том, что в Раскольникове воплощен Иисус, служит то, что совершение им его преступления представлено в романе практически как пассивное, невольное деяние, из чего можно заключить, что Раскольников — потерпевший, жертва непреодолимых сверхъестественных обстоятельств» (с. 128). Однако факт «невольного деяния» не доказывает того, что Раскольников — это Христос. Этот факт может служить только смягчающим обстоятельством, что уже было использовано Достоевским по прямому назначению: суд был снисходителен к Раскольникову. Это во-первых, а во-вторых — почему диссертант считает, что жизнь и жертва Христа были «пассивным, невольным деянием»?! Считать человеческую волю Христа подавленной или даже отсутствующей в единой личности Иисуса Христа — это монофилитство. Но даже, если предположить, что диссертант придерживается монофилитских христологических воззрений, то в Христе ведь была и Божественная воля! Эта воля никак не могла быть подавлена, значит действие Иисуса Христа никак не могло оказаться «пассивным, невольным деянием».

4. Готовность к самопожертвованию: «Наконец, отметим, что, если Раскольникову будет нужно пролить и собственную кровь, пожертвовать собой во имя человечества, он не колеблясь сделает это» (с. 131). Этот «признак» можно не комментировать, достаточно только вспомнить, что, несмотря на готовность к самопожертвованию, Раскольников пролил не свою, а чужую кровь!

5. Раскольников раскаялся: «Несмотря на то что он совершает убийство, он все же подобен Христу — это подтверждается тем, что в конце романа, в ссылке, он приходит к истинной вере» (с. 134). Здесь отметим, что Христу не в чем было каяться. Что раскаяние, безусловно, представляет необходимую ступень к теозису. Но напомним, что теозис предполагает то, что человек становится богом не по природе, а по ипостаси; и что в этой обоженной ипостаси он, едва ли отождествляется с ипостатью Христа.

Мы вынуждены заключить, что, с нашей точки зрения, разбор аргументов, приведённых автором диссертации в подтверждение положения о том, что «Достоевский изображает Раскольникова как повторение Иисуса Христа» (с. 10), не позволяет считать данное положение доказанным. Рискнём даже предположить, что это положение является недоказуемым по самой своей сути.

Нельзя стать похожим на Христа, совершая убийства, потому что главное действие, которое совершает Иисус Христос, - это победа над смертью, нечто прямо противоположное убийству. Более того, трудно себе представить, как теоретически могут быть нивелированы ипостасные различия, даже если речь идёт о двух существах, обладающих одной природой?

Впрочем, все наши возражения касаются только одного из шести положений, вынесенных на защиту, кроме того, мы осознаём, что эти возражения имеют дискуссионный характер, поэтому отмеченные недостатки не снижают значение полученных в диссертации результатов. Можно сделать следующий вывод:

Диссертация Ли Сяюй на тему: «Проблема "высших личностей" в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Ли Сяюй заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор кафедры русской
философии и культуры

Е. А. Маковецкий

14 мая 2022 г.